

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ДИХОТОМИИ «ОБЛАДАНИЕ — БЫТИЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Е. Ф. Нечаева

Кафедра лингвистики МИЭМП

В статье дается определение “лингвофилософских” концептов и анализ подходов к исследованию таких концептов. Обосновывается выбор герменевтико-лингвистического подхода как наиболее оптимального при исследовании подобных концептов.

Прослеживается дихотомия “обладание — бытие” в сопоставительном аспекте для французской и русской лингвокультур.

В настоящее время лингвокультурология и когнитивная лингвистика переживают период расцвета. Это связано с процессами мировой глобализации и необходимостью межкультурной коммуникации, с одной стороны, и с потребностью сохранения национальных достояний отдельных культур — с другой. Наибольший интерес сегодня вызывают исследования, являющиеся междисциплинарными. Это вызвано новейшими тенденциями по интеграции различных областей знаний. Многомерное пространство языка и культуры, в котором живет современный человек, делает наиболее актуальным интегрирующий подход, объединяющий различные картины мира, результатом чего должно стать энциклопедическое знание. В этом смысле особую значимость имеют исследования в области сопоставительного языкознания, дающие возможность изучения реалий одного языка в сравнении с другими, что дает более полное представление о картине мира. В самом определении понятия «лингвокультура», данном Т. Н. Снитко в монографии «Пределные понятия в западной и восточных культурах» и представляющимся нам наиболее верным, заложена необходимость сопоставительного подхода при анализе языков и культур: «Лингвокультуру мы определяем как особый тип взаимосвязи языка и культуры, проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [17: 9].

Понятие «*бытие*» является основополагающим для западной культуры и, соответственно, анализ всех концептов, связанных с пространством бытия, имеет определяющее значение для понимания специфики лингвокультуры, менталитета нации.

Противопоставление понятийной картины мира и языковой картины мира, в которой совокупность обобщенных формально-структурных представлений получает свое вербальное выражение, позволяет определить основные понятия, связанные с изучением человеческого фактора, личностного начала — «*бытие*» и «*обладание*» как концепты, включающие в себя «разносубстрактные единицы оперативного сознания» [18: 143], к которым помимо понятий и представлений относятся установки, оценки, эмоции, ощущения.

Можно сказать, что сегодня выделилось два основных подхода к изучению концептов: когнитивный (Н. Д. Арутюнова, А. П. Бабушкин, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, З. Д. Попова, И. А. Стернин) и лингвокультурологический (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Н. А. Красавский, Ю. С. Степанов).

Когнитивный подход включает в число концептов лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют наивную картину мира носителей языка. Согласно такому подходу, концептами могут считаться любые лингвистические единицы, в значении которых просматривается способ семантического представления. Лингвокультурологический подход относит к числу концептов семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности определенной этнокультуры. Лингвисты сходятся во мнении, что концепты являются единицами сознания, отражающими человеческий опыт информационной структуры.

Когнитивная лингвистика считает концепт «единицей концептосферы, имеющей и не имеющей словесное выражение» [11: 69]. С точки зрения когнитивной лингвистики концепт — это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или

психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике. Понятие концепт отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности...» [11: 90]. В когнитивной лингвистике концепт считается комплексной мыслительной единицей, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя свои разные признаки и слои. При этом соответствующие признаки или слои концепта вполне могут не иметь обозначения в языке, так как языковые средства необходимы не для существования концепта, а для выражения его содержания [13: 37—39].

При анализе таких «лингвофилософских» [14: 6] концептов, как «бытие» и «обладание», на наш взгляд, наиболее интересные и объективные результаты могут быть получены путем применения еще одного подхода к пониманию концепта, получившего названия «герменевтико-лингвистического» [17: 8]. Суть этого подхода заключается в том, что исследователь идет от понятия и рассматривает все лексические и грамматические способы выражения этого понятия, постигая его истинный смысл в данной культуре. Говоря об особенностях герменевтико — лингвистического подхода, Т. Н. Снитко отмечает: «Наш подход есть попытка опереться на буквально понятого Л. Витгенштейна: «Когда философы употребляют слова *знание, бытие, предмет, я, предложение, имя* и стремятся постичь суть вещи, всегда следует задаться вопросом: действительно ли это слово хоть когда-либо употреблялось таким образом в том языке, откуда они происходят» [17: 48]. По сути герменевтико-лингвистический подход не противоречит культурологическому, а остается в рамках последнего, но предметом анализа является не семантическое значение слова, а смысл слова. Разница между понятиями *семантического значения* и *смысла* принципиально важна. *Значения* конкретной языковой единицы в любом языке обычно достаточно четко определены, а *смысл* «не является принадлежностью собственно языковой единицы» [17: 139]. Герменевтико-лингвистический подход позволяет исследователю выполнять роль «интерпретатора, понимающего суть интерпрети-

руемого» [2: 28] Иными словами, исследователю необходимо «вырваться» из пространства языкового сознания носителя языка, уйти от перевода, т.е. изложения мысли, высказанной на одном языке, средствами другого языка, а руководствоваться только смыслом. Например, при анализе смысла совершенных форм, скажем, французского языка, следует исходить не от конструкции прошедшего времени русского языка, а от сочетания вспомогательного и спрягаемого глаголов. Например: *J' ai vu — Je suis tombe — не я увидел — я упал, а я имею увиденным — я есть упавший*. Только в этом случае мы сможем правильно интерпретировать смысл фундаментальных грамматических категорий бытия и обладания и сохранение этого смысла в форме перфекта.

Итак, рассматривая основополагающие лингвофилософские концепты «*бытие*» и «*обладание*» с точки зрения герменевтико — лингвистического подхода, мы, безусловно, относим их к «предельным понятиям» культуры [17: 20], поскольку они целиком и полностью подпадают под это определение. Они состоят из множества «перебираемых» культурных значений и смыслов и позволяют «держаться» культуру как целое [17: 14]. Кроме того, они неразрывно связаны между собой и находятся в постоянном взаимодействии.

Дихотомия «*обладание — бытие*» является основой многих философских учений и предметов философских споров с древнейших времен. О соотношении «*обладаемого*», «*блага*» и существующего — «*бытия*» говорится в трудах Аристотеля, который писал о существовании всех конечных и преходящих вещей как движения от бытия в возможности посредством категории обладания к бытию в действительности. В отечественной философии наиболее ярко эта тема представлена в трудах Н. Бердяева и С. Франка. Говоря о предмете знания, как предмете обладания, С. Л. Франк отмечал, что «каждая личность есть часть бытия вместе со всеми предметами. Поскольку субъект и объект принадлежат к одному и тому же абсолютному бытию, становится возможным непосредственное знание. Знанию необходимо предшествует то первичное отношение потенциального *обладания* предметом, вне которого познание и знание столь же немислимы, как невозможно сознательное осуществление какой-либо цели без предвосхищения этой цели или как невозможно никакая деятельность над предметом, которого нет у нас под руками. Мы стараемся показать, что это исконное обладание предметом, предшествующее всякому

обращению сознания на предмет, возможно лишь при условии, если субъект и объект знания укоренены в *абсолютном бытии*, как непосредственно и неотъемлемо присутствующем у нас и в нас первичном единстве, на почве которого впервые возможна раздвоенность между познающим сознанием и его предметом» [19: 137].

При проведении некоторого сопоставительного анализа языковых средств выражения понятий «обладание» и «бытие» во французском и русском языках посредством семантического анализа основных грамматических категорий обладания и бытия можно проследить степень выражения личностного начала в языке, отражения «Я-концепта». «Я-концепт» или «я-образ», термин, принятый в психологии, восприятие своего «я» в картине мира неразрывно связан с понятиями «субъект», «личность», а также с соотношением основных грамматических категорий «*avoir / to have / иметь*» и «*être / to be быть*», определяющих ментальное пространство «обладания» и «бытия». Всем преподавателям-практикам, особенно русского языка как иностранного, хорошо известна первая реакция англоязычных и франкоязычных студентов на русскую конструкцию, типа: «у меня есть карандаш»:

— Как? Карандаш есть, а меня нет? Где же я?

Основной глагол, определяющий пространство «бытия», — глагол «*être / to be*» — «**быть**» в современных русских конструкциях, выражающих настоящее время, опускается, а при объяснении английских или французских грамматических конструкций именуется «глаголом-связкой». То, что соотносится с концептом «**обладание**», переходит в концепт «**бытие**»: «У меня есть машина»; «У нас есть дом» и т.д.

Давая подробный анализ семантических полей глаголов «иметь» и «быть» в русском языке, Н. В. Друзева отмечает, что «в русском языке никогда не было форм перфекта с глаголом «иметь», тогда как частотность употребления этого глагола в романских и германских языках объясняется наличием форм перфекта и тем фактом, что любое указание на владение чем-либо требует обращения к этому глаголу, в то время как в русском языке и здесь употребляется глагол «быть» [6: 285]. В результате обладание мыслится в романских и германских языках как активное действие, а в русском, как нечто происходящее помимо воли человека, отнюдь не как проявление собственной активности. Последнее стало поводом к утверждению, что основной религиозной и мировоззренческой идеей

русского народа стала идея страдания, которая нашла отражение в языке: конструкция *У него есть нечто*, выражающая идею обладания предполагает, что активным является именно предмет, а его владелец — лишь страдательное лицо [14: 5]. На это же указывает Ю. А. Рылов, проводя сопоставительный анализ русских и итальянских конструкций, выражающих идею обладания. «Тот факт, что обладание чем-то в одних языках (в том числе итальянском) выражается прямопереходной моделью с глаголом типа *иметь*, а в русском языке по линии глагола *быть* с неагентивным субъектом в предложной форме, как бы отстраненным от объекта обладания, представленного в предложении в виде грамматического подлежащего, не может не свидетельствовать об особом — «легком» — отношении русских к собственности» [15: 51]. На наш взгляд, такое положение вещей может, действительно, быть причиной легкого отношения к собственности, либо, наоборот, снижение личностного начала, отражение чего мы четко видим в этой конструкции, может объяснять излишнее возвышение материальных ценностей. С точки зрения языка интересен тот факт, что концепт обладания, в русском языке скорее подразумевается, чем говорится, как в значении «субъект и его собственность», так и в выражении квалификативного признака. Рассмотрим такой пример: *У Маши были красивые волосы. Волосы у Маши были красивые*. Анализируя аналогичный пример, Н. Д. Арутюнова отмечает, что в первом случае глагол «быть» имеет смысловое бытийное значение, а во втором — связочное [1: 56, 15: 51]. Но, если мы возьмем тот же пример в настоящем времени: *У Маши красивые волосы* или *Волосы у Маши красивые*, мы видим, что и в первом и во втором случае ((не важно речь идет о наличии или одновременно и о характеристике признака субъекта) глагол *быть* опускается, т. е. объект обладания теряет категорию бытийности. С точки зрения герменевтико-лингвистического подхода и восприятия западной культуры как культуры «ментального типа «познания» [17: 138], что по сути значит «овладения знанием» и соотносится с концептом «обладание», в русском языке мы видим явное снижение личностного начала, предание понятию «обладание» оттенка некоторой «запретности», некоего табу. Что же касается французского языка, который по праву называют «образцовым иметь — языком» [6: 254], в нем концепт «обладание» является наиглавнейшим и подразумевает «бытие» через «обладание».

В выражении ощущений во французском языке почти повсеместно используется глагол «avoir», т.е. концепт «обладание» в дихотомии «обладание — бытие», что подчеркивает превосходство субъекта над силами природы и обстоятельствами. Сравним: табл. 1.

Понятие «глагола-связки», как мы видим, остается в рамках функционального, структурного восприятия языка, тогда как лингвокультурологический анализ подразумевает осмысление любой грамматической категории. Очевидно, что в идиоматических выражениях, отличающихся очень высокой степенью частотности, типа: *avoir peur, avoir raison, avoir honte, avoir honneur, avoir faim, avoir soif, avoir tort, avoir la possibilite* и связанных с ними фразеологизмами, сохраняется первоначальное значение глагола «иметь», и дихотомия «иметь — быть» очень четко прослеживается. Известно, что в конце 17 века некоторые из этих идиоматических выражений перешли в русский язык из французского языка: иметь совесть, иметь стыд, иметь вид, иметь успех, иметь значение и т.д. В русском языке они также встречаются достаточно часто, но несравнимо реже, чем во французском, причем, используются преимущественно в форме инфинитива или императива: *Имейте совесть, имейте стыд, он хочет иметь возможность*. Практически все они могут быть заменены синонимичными конструкциями, свойственными русскому языку с использованием формы предложного падежа и глагола «быть»: «У тебя совесть есть?», «У нас есть возможность» и т.д. Единственное идиоматическое выражение, которое «устояло» под натиском синтетизма русского языка, причем не только в форме настоящего времени, но и в форме прошедшего — это «иметь честь»: *Я имею честь пригласить Вас... Он имел честь познакомиться* и т.д.

Что касается форм перфекта во французском языке, то, можно сказать, что, с точки зрения герменевтико-лингвистического подхода, вся система сложных времен и их согласования построена по принципу отношения к «личностному», «субъектному» началу и дихотомии «обладание — бытие». Вспомогательный глагол в периферийном значении не уходит из концептуального поля обладания или бытия. Рассмотрим правила употребления вспомогательных глаголов «avoir / иметь» и «être / быть» в формах прошедших времен французского языка. Нормы их употребления сильно эволюционировали с 17 века до нашего времени, все больше и больше подчиняясь «субъектному» началу и дихотомии «иметь — быть». По сути вся грамматическая категории перфекта относится к концепту «обладание», так как это то, чем мы располагаем, и принцип выбора вспомогательного глагола зависит от принадлежности к понятиям «бытия» и «обладания». Принцип спряжения с глаголом «être / быть» в качестве вспомогательного и согласования с «participe passé» основан исключительно на понятии «субъектности» и уважении к пространству другого субъекта. Во французском языке с глаголом «быть» спрягаются все глаголы, неразрывно связанные с субъектом, исключая возможность употребления прямого дополнения. При этом, «participe passé» согласуется в роде и числе с «sujet» «Глаголы, спрягающиеся с «avoir» в качестве вспомогательного не согласуются в роде и числе с «sujet», потому что они меньше затрагивают его «субъектное» начало и подразумевают употребление прямого дополнения. Если же прямое дополнение ставится перед глаголом, то «participe passé» согласуется с ним, а не с «sujet», в роде и числе, потому что акцент ставится на прямом дополнении. Сравним: табл. 2.

Таблица 1

Французский язык	Английский язык	Русский язык
J'ai chaud	I am hot	Мне жарко
J'ai froid	I am cold	Мне холодно
J'ai peur	I am frightened	Мне страшно
J'ai honte	I am ashamed	Мне стыдно

Таблица 2

Французский язык	Английский язык	Русский язык
Je suis tombé	I have fallen down	Я упал
Elle est restée	She has stayed	Она осталась
Vous êtes parties	You have left	Вы уехали
Elle était venue	She has come	Она давно пришла
J'ai bu une tasse de café	I have had a cup of coffee	Я выпил чашку кофе
La fille qu'il a vue	The girl he has seen	Девушка, которую он увидел

Если проанализировать приведенные конструкции с точки зрения герменевтико-лингвистического и гендерного подходов, то мы видим, что в русском языке «субъектность» подчеркивается согласованием в роде и числе во всех случаях с подлежащим, а во французском языке ощущается особенное «уважение» к пространству другого субъекта, что выражено в конструкции: «La fille qu'il a vue / Девушка, которую он увидел(а)» — в русском предложении род соотносится с подлежащим, а во французском, — с прямым дополнением «*La fille*» (девушка), потому что акцент стоит на прямом дополнении. Что касается сопоставления французского и английского языков, то здесь разница видна в употреблении глаголов «*avoir / to have*» и «*être / to be*» в качестве вспомогательных. «*J'ai bu une tasse de café*» Во французском глагол «*boire / пить*» спрягается с «*avoir*» потому, что это действие касается как «*меня*», так и «*чашки кофе*». Причем, если «*чашка кофе*» стоит впереди, то согласование причастия значимого глагола будет происходить с «*ней*», а не со «*мною*»: «*La tasse de café que j'ai bue*». «*Je suis tombé*». Во французском глагол «*быть*» в качестве вспомогательного «*Я есть упавший*», подчеркивает, что действие касается только меня, таким образом, только «*я-концепт*» и только личностное пространство моего «*бытия*» страдает.

Мы четко видим, что в плане дихотомии «обладание — бытие» французский язык, будучи, действительно, «образцовым иметь — языком» [6: 206], сосредотачивает свое внимание именно на пространстве *бытия* субъекта, экзистенции. Обладание существует ради бытия. Особенно ярко это прослеживается на анализе употребления притя-

жательных местоимений (языкового средства выражении possessивности, т.е. концепта обладания). Сравним: табл. 3.

Мы видим, что в русском языке категория «притяжательности» выражается только тогда, когда речь идет о принадлежности предмета какому-то определенному лицу, в английском языке, «*possessive pronouns*» употребляются чаще, но это подчинено строгой логике, во французском же языке — существует четкое разделение категорий «*adjectifs possessifs / притяжательные прилагательные*» и «*pronoms possessifs / притяжательные местоимения*». Притяжательные прилагательные употребляются очень часто и, порой, отходят от обозначения «принадлежности», переходя из концепта «обладание», в концепт «бытие», появляется оттенок «наслаждения» своим жизненным пространством, откуда у французов знаменитое «*savoir vivre / умение жить*» или «*savourer la vie / смаковать жизнь*». Например, в таких предложениях, как: «*Je bois mon café / Я пью мой кофе*» или «*Je prends ma douche / Я принимаю мой душ*», акцент ставится не на категории принадлежности, т.е. на *обладании*, а на процессе, на собственных ощущениях, т.е. на концепте *бытия*.

В заключении, завершая небольшой сопоставительный анализ, хотелось бы отметить, что дихотомия «обладание — бытие» и ее отражение в языке является основополагающей для понимания глубин языкового сознания и особенностей менталитета нации, поэтому она представляет огромный интерес для исследований, обуславливающийся все возрастающей междисциплинарностью современной парадигмы знания, в рамках которой языковые

Таблица 3

Французский язык	Английский язык	Русский язык
Je bois mon café (Я пью мой кофе)	I drink (have) coffee	Я пью кофе
Je prends ma douche (я принимаю мой душ)	I have a shower	Я принимаю душ
Je veux me faire couper mes cheveux (я хочу мне постричь мои волосы)	I want to have my hair cut	Я хочу постричь волосы
Ma parole (мое слово)	My word	Честное слово
Il va garder ses dindons (он едет пасти своихиндюков)	—	Он едет жить в деревню
Tu n'a pas ta langue dans ta poche (у тебя нет твоего языка в твоём кармане)	You are never lost for words	Ты за словом в карман не полезешь
Il parle dans sa barbe (он говорит со своей бородой)	He talks through his hat	Он говорит невнятно
Ne mets pas ton doigt dans ton nez (не клади твой палец в твой нос)	Don't pick your nose	Не ковыряй в носу
Mon petit doigt me dit (Мой пальчик мне говорит)	I have a feeling that	Чутье мне подсказывает

явления рассматриваются с учетом достижений таких дисциплин, как философия, логика, психология, социология.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н.Д.* Национальное сознание, язык, стиль Тезисы международных конференций, М., Изд-во МГУ, 1995, — 40 с.
2. *Богин Г.И.* Концепция языковой личности, Автореферат дис. на соиск. уч. ст. д-ра филол. наук, Калинин, 1982, — 36 с.
3. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999, — 777 с.
4. *Витгенштейн Л.* Философские работы, т. 1—2, М., Гнозис, 1994, — 435 с.
5. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). Монография, М., 1997, — 121 с.
6. *Друзева Н.В.* Фундаментальные глаголы бытия и обладания, функциональный и когнитивный аспекты. Дис. д-ра филол. наук, Саратов, 2006, — 289 с.
7. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке. Волгоград-Архангельск, 1996. — 36 с.
8. *Карасик В.И.* О категориях лингвокультурологии. Сб. науч. тр. Волгоград, Перемена, 2001 С. 12—20
9. *Красавский Н.В.* Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах. Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. д-ра фил. наук, Волгоград, 2001, — 40 с.
10. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов, М., 1996, — 245 с.
11. *Кузнецов А.М.* Когнитология, антропоцентризм, языковая картина мира и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности., М., РАН ИННОН, 2000. — С. 8—22.
12. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность, М., 1997, С. 280—287.
13. *Попова З.Д. Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж. Истоки, 2001 — 191 с.
14. *Правосуд О.А.* Бытийные предложения с глаголом «быть» и «иметь» в лингвофилософском аспекте. Тезисы докладов 2 междунар. научно-практ. конф., Бийск, 2004, — 15 с.
15. *Рылов Ю.А.* Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки, М., Гнозис, 2006. — С. 50—51.
16. *Серебрянников Б.А., Кубрякова Е.С.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. — М., Наука, 1988. — 143 с.
17. *Снитко Т.Н.* Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах. Пятигорск, 1999. — 156с.
18. Толковый словарь русского языка под редакцией *Д. Н. Ушакова*, М, 1938., — 1951 с.
19. *Франк С.* Предмет знания. Душа человека. Минск, Харвест, 2000. — 990 с.
20. Фразеологический словарь русского языка под редакцией *А. И. Молоткова*, М, 1987. — 560 с.